

Звездный час

Моек. правая -
1998. - Баб. - с.ч.

Елена ЛУЦКАЯ

Юлию Махалину - заслуженную артистку России, лауреата международного конкурса, знаменитую балерину Санкт-Петербургской «Мариинки» - в нашем городе ждут всегда и любят неизменно. Помнят дебюты выпускницы Вагановского училища - тогда, в 1980-е годы, совсем неизвестной, но исключительно даровитой танцовщицы. По справедливости высоко оценивают недавние выступления в «Баядерке», показанной на московских гастролях ее родного театра. И необыкновенно тепло принимают ее участие в московской постановке «Жизели» Музыкального театра им. К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко.

Зрительный зал переполнен, невзирая на летний зной. Но подчас кажется, будто под театральными сводами никого нет: такая ненарушаемая тишь, такое затаенное дыхание сопровождает действие. И вдруг общее, взволнованное молчание разряжается шумными аплодисментами. В «Жизели» не принято подолгу кланяться до завершения первого либо второго акта. Однако публика желала снова и снова выразить Махалину свои восторги, а оркестру приходилось умилять и выдерживать солидные паузы...

Спектакль смотришь непосредственно, безотчетно. Проникаешься красотой и гармонией глубоко личного, во многом новаторского (тем и драгоценного) истолкования. А после спектакля пытаешься разгадать тайну преобразений, секрет безотказного сильнейшего воздействия балерины на аудиторию. Стремись распознать истоки убедительности и притягательности хореографического портрета, предложенного Юлией Махалиной.

Возможно, следовало бы объяснить ее успех прежде всего безупречной «танцевальной дикцией». Балерина равно свободно и мастерски владеет и мелкой техникой, и большими, масштабными жестами. Ее заноски, субрессо - неправдоподобно легкие, четкие, острые - действительно зак-

лючают в себе нечто призрачное. Но столь же впечатляют ее летучие и певучие арабески. Ее прыжки - могучие и вместе с тем легчайшие, словно на миг остановленные в воздухе, ее inferнально-безостановочные вращения. Она равно значительна в статике пози-

ванием балерины становится очень редкая нынче нерасторжимость технической и образной стихии. Хореографический текст партии для Махалиной является единственно возможным и желанным способом существования Характера. Отсюда необычайная естественность сцени-

ными иллюзиями и обольщениями. В понимании и интерпретации Махалиной Жизель остается чужой и чуждой любому антуражу. В первом действии она - обворожительная и юная - вовсе не выглядит ровней своим подругам. И вовсе не играет сверхнаивную простушку. Конечно, она трогательно льнет к Альберту в заключительной позе их счастливого дуэта. Однако «нестандартность» Жизели, ее избранничество, ее отмеченность даром Танца (не в бытовом, но в магическом значении слова) очевидны с первого антра и усиливаются каждым мигмом ее дальнейшего существования.

Такой дар Танца действительно способен превозмочь холод неумолимой Мирты и ее запредельных владений. И в знакомых страницах надземного, полуночного диалога Махалина отыскивает свои «восклицательные знаки» и свои «многозначия». Она проводит все второе действие на одном порыве ввысь и на одном стремлении к... Альберту. Взаимоисключаемость двух «направлений души» и создает метафору безвыходности, обреченности. Лишь предутренний гул церковного колокола обрывает «поток сознания», воплощенный Танцем, озаренный лунным мерцанием небытия и отблесками земного ужаса.

Махалинская Жизель, высказав своим танцем все, верно найденной интонации до последних тактов. Коленопреклоненная, недвижная, сомкнув свои хрупкие бледные ладони, опустив длинные ресницы, она встречает свой неизбежный уход. И - молится горячо, по-земному страстно, молится тайной и вдохновенной молитвой за него - неверного, предателя, обманщика. Трагедия остается трагедией. Прощение остается прощанием. А звездный час Юлии Махалиной - Жизели становится звездным часом зрителей. Ведь не каждый вечер, не каждый сезон и даже не каждое десятилетие балет дарит нам столь светлые, возвышенные, ничем не затененные радости.

На снимке: Ю.Махалина - Жизель, В.Дик - Альберт.

Фото Вадима ЛАПИНА.

ровок и в самых динамичных танцевальных периодах. Достаточно вспомнить гадание на ромашках с нешуточной, ненаигранной тревогой. Или озаренный обманчивым счастьем дуэт первого действия. Или скорбные «стоп-кадры» - некие вехи ее крестного пути сквозь вторую часть спектакля. Думаю, даже самый строгий и придирчивый критик не мог бы предъявить Махалиной ни одного замечания - настолько стилистически и музыкально точна ее маэстрия в «Жизели». Недаром в мимике и танце ее московского партнера Виктора Дика были очевидны не просто приметы несомненного профессионального роста и тщательной разработки всей роли Альберта, но и спонтанное, не отретированное заранее восхищение Санкт-Петербургской дивой.

Самым принципиальным завое-

ванием является чистота танца с чрезвычайно важными в данном балете, развернутыми пантомимными картинками. Махалина совершенно по-новому и по-своему трактует безумие своей героини. В ней почти не улавливается утрата рассудка. Напротив, перед нами внезапное и страшное прозрение. И страшное усилие понять, что же и когда именно произошло, осмыслить непостижимое. Поразительно неторопливо, недробно, крупными планами повторяет Махалина фрагменты - осколки былого идиллического общения с избранником. Порой она даже кажется почти бесстрастной. Но все выдают руки - смятенные, трепетно-прекрасные, словно неуправляемые руки. Именно в столь непредсказуемых «пор-де-бра» разверзаются бездны безумства и близкое прощание со всеми зем-